

Федор Сологуб. Белая собака

Оригинал находится здесь: [Литературная страница DRY GINa](#)

Так все опостылело в этой мастерской губернского захолустного города, – эти выкройки, и стук машинок, и капризы заказчиц, – в этой мастерской, где Александра Ивановна и училась, и уж сколько лет работала закройщицей. Все раздражало Александру Ивановну, ко всем она придиралась, бранила безответных учениц, напала и на Танечку, младшую из мастериц, вчерашнюю здешнюю же ученицу. Танечка сначала отмалчивалась, потом вежливым голосом и так спокойно, что все, кроме Александры Ивановны, засмеялись, сказала:

– Вы, Александра Ивановна, сущая собака. Александра Ивановна обиделась.

– Сама ты собака! – крикнула она Танечке. Танечка сидела и шила. Отырывалась время от времени от работы и говорила спокойно и неторопливо:

– Завсегда лается... Собака вы и есть... У вас и морда собачья... И уши собачьи... И хвост трепаный... Вас хозяйка скоро выгонит, так как вы и есть самая злющая собака, пес барбос.

Танечка была молоденькая, розовенькая, пухленькая девушка с невинным, хорошеньким, слегка хитреньким личиком. Смотрела такую тихонькою, одета была как девочка ученица, сидела босая, и глазки у нее были такие ясные, и бровки разбегались веселыми и высокими дужками на ровно изогнутом, беленьком лбу под гладко причесанными темно-каштановыми волосами, которые издали казались черными. Голосок у Танечки был звонкий, ровный, сладкий, вкрадчивый, – и если бы слушать только звуки, не вслушиваясь в слова, то казалось бы, что она говорит любезности Александре Ивановне.

Другие мастерицы хохотали, ученицы фыркали, закрываясь черными передниками и опасливо посматривая на Александру Ивановну, – а Александра Ивановна сидела багровая от ярости.

Дрянь, – вскрикивала она, – я тебя за уши выдеру! Я тебе все волосы повытаскаю!

Танечка отвечала нежным голосом:

– Лапки коротенькие... Барбос лается и кусается... Намордничек надо купить.

Александра Ивановна бросилась к Танечке. Но, прежде чем Танечка успела положить шитье и встать, вошла хозяйка, грузная, широкая, шумя складками лилового платья. Строго сказала:

– Александра Ивановна, что это вы скандалите! Александра Ивановна взволнованным голосом заговорила:

– Ирина Петровна, что же это такое! Запретите ей меня собакою называть!

Танечка жаловалась:

– Излаяла ни за что, ни про что. Всегда по пустякам ко мне придируется и лается.

Но хозяйка посмотрела строго и на нее и сказала:

– Танечка, я тебя насквозь вижу. Не ты ли и начинаешь? Ты у меня не воображай, что уж если ты мастерица, так и большая. Как бы я твою маменьку не пригласила, по старой памяти.

Танечка багряно вспыхнула, но продолжала сохранять невинный и ласковый вид. Смирно сказала хозяйке:

– Простите, Ирина Петровна, больше не буду. Только я и то стараюсь их не задевать. Да уж они очень строгие, слова им не скажи, сейчас – я тебя за уши. Такая же мастерица, как и я, а ух я им из девчонок вышла.

– Давно ли, Танечка? – спросила хозяйка внушительно, подошла к Танечке, – ив затихшей мастерской послышались две звонкие пощечины и Танечкин слабый вскрик:

– Ах! ах!

Почти больная от злости вернулась домой Александра Ивановна. Танечка угадала ее больное место.

"Ну, собака, и пусть собака, – думала Александра Ивановна, – а ей-то что за дело? Ведь я не разведываю, кто она, змея или там лисица, что ли, – и не подсматриваю, не выслеживаю, кто она. Татьяна, и дело с концом. Обо всех можно узнать, а только зачем ругаться? Чем собака хуже кого другого?"

Летняя светлая ночь томилась и вздыхала, вея с ближних полей на мирные